

Темушев Степан Николаевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Картографическое представление военных событий является неотъемлемой частью исторического исследования. Без локализации на карте невозможно дать правильную оценку как планам отдельной военной операции или всей кампании, так и происходившим военным действиям и их итогам. Тем не менее, в исследовательских работах до настоящего времени карты или картосхемы не нашли должного места, хотя современные технические возможности позволяют в полной мере обеспечить историков картографическими материалами по любой проблеме и любой сложности.

Подготовка к возможной войне на западном театре военных действий в Российской империи велась не только в области совершенствования вооружений, наращивания боеприпасов и иного военного снаряжения. В предстоящих сражениях военные командиры должны были хорошо ориентироваться на местности и использовать ее преимущества в свою пользу. В этой связи на протяжении всего XIX в. военное ведомство России уделяло должное внимание составлению подробных и точных карт, прежде всего западной территории Российской империи.

Уровень составления топографических и физико-географических карт в России к началу XX в. не только достиг европейского уровня, но и, без преувеличения, превзошел аналогичные западные работы. Однако, несмотря на неоспоримый профессионализм российских картографов, возникли значительные сложности с нанесением на карты огромных пространств огромной Российской империи. Не хватало ни людей, ни средств.

Еще с 1870 г. военно-топографические съемки в европейской части страны были переведены в полуверстный масштаб (1:21000), что уменьшило производительность работ. В этой связи повторение съемок вдоль западных границ и распространение картографических работ на восточные губернии Европейской России, а также проведение новых работ в азиатской части империи при их поддержании на современном уровне могли оказаться возможными только при значительном увеличении средств для военно-топографической службы. Цар-

ское правительство не пошло на это. В 1877 г. оно предложило вести съемки исключительно для нужд армии, государственные картографо-геодезические работы для обслуживания народнохозяйственных нужд были почти прекращены. Кроме того, военное ведомство отказалось от работы во внутренних частях страны и сосредоточило усилия на точных топографических съемках полуверстного (1:21 000), а с 1907 г. — одновверстного (1:42 000) масштаба в западном пограничном пространстве, в Крыму и Финляндии, на двухверстных (1:84 000) упрощенных съемках — в Средней Азии, в пограничных районах Сибири и на Дальнем Востоке [13, с. 350].

Топографические съемки западного пограничного пространства, обладавшие хорошей точностью и подробностью, охватили к 1917 г. территорию примерно к западу от меридиана Петроград — Киев — Одесса. На их основе составлялась двухверстная (1:84 000) карта западного пограничного пространства с горизонталями через 2 и 4 сажени; она печаталась в два цвета. Относительно малая генерализация и малое сечение приводили к весьма детальному и потому не всегда ясному изображению. Этому недочету противостояли подробность и точность карты, которые позволяют считать ее лучшей русской топографической картой того времени.

В итоге многолетней и трудоемкой деятельности русской военно-топографической службы были созданы карты на территорию площадью около 10 млн км², т. е. почти равной площади всего Европейского континента. Этот значительный вклад в топографическое изучение планеты превосходил к началу Первой мировой войны то, что было сделано в этом направлении любым другим государством [13, с. 350—351].

Топографическая съемка продолжалась и непосредственно в ходе военных действий, в том числе на территории современных Польши и Беларуси. Выяснилось, что разрушительные силы войны быстро преобразуют облик местности и потому карты нуждаются в регулярном обновлении [13, с. 351].

Между тем новые способы ведения войны, начало применения авиации и танков, более широкое использование артиллерии, в том числе дальнобойной (когда цель визуально не просматривалась), потребовали создания карт специального назначения. К тому же резкое увеличение численности армий также сопровождалось чрезвычайным ростом потребления карт. Прежняя организация военно-топографических служб с их малочисленными кадрами не удовлетворяла новым условиям. Поэтому в составе действующих армий появились топографические подразделения для изготовления и печатания карт непосред-

ственно в полевых условиях. Общий выпуск карт в воюющих странах исчислялся десятками и даже сотнями миллионов листов [13, с. 351].

Накануне начала войны военно-топографические службы противостоящих России крупнейших стран (Германии и Австро-Венгрии) посчитали необходимым заблаговременное создание карт для территории возможных театров военных действий. В этом отношении показательна австро-венгерская трехверстовка 1910 г., на которой со значительной точностью были нанесены основные географические объекты западной части Российской империи вплоть до территории Северной Беларуси.

Уже в ходе Первой мировой войны выпускались еженедельные карты положения на фронтах, показывающие расположение русских, германских и австрийских войск. Основой для них служили созданные в конце XIX — начале XX в. полуверстовки, верстовки и двухверстовки. Именно они впоследствии использовались для создания картографического сопровождения военно-исторических исследований советских военных историков.

В целом Первая мировая война способствовала внедрению в топографо-геодезические работы и картографию ряда новых методов. Самым крупным событием явилось использование для обновления и пополнения карт аэрофотосъемки, которая позднее произвела полный переворот в производстве топографических карт [13, с. 351].

Таким образом, в распоряжении исследователей военных действий периода Первой мировой войны на Восточном фронте имелась серьезная картографическая основа. К сожалению, ее использование до настоящего времени далеко не исчерпало заключенный в картах информационный потенциал.

Первые исследования, касающиеся военных событий Первой мировой войны, появились в Советской России уже вскоре после завершения Гражданской войны. Вполне закономерно военными аспектами Первой мировой войны интересовались прежде всего в учебных заведениях, готовивших будущих командиров Красной Армии. Опыт Первой мировой войны был особенно ценен в связи с сохранением значимости характера и методов ведения военных действий, в ней проявившихся.

Первым значительным исследованием стала двухтомная работа бывшего генерала царской армии, талантливого военного историка Андрея Медардовича Зайончковского, впервые опубликованная в 1923 г. (2-е издание — 1924, 3-е — 1938—1939, Воениздат) [6; 7; новейшее переиздание: 9]. А.М. Зайончковский обладал значительным военным опытом как активный участник событий Первой мировой вой-

ны, в годы Гражданской войны он возглавлял штаб одной из армий Советской России [10, с. 115]. В 1922—1926 г. А.М. Зайончковский являлся профессором Военной академии им. М.Ф. Фрунзе. В качестве приложения к основному тексту работы военного историка был опубликован 3-й том, содержащий картосхемы основных военных событий Первой мировой войны (и на Западном, и на Восточном фронтах) [8; те же картосхемы, но в черно-белом варианте, приводятся и в основной работе автора]. Значительный интерес представляют предложенные в данной публикации картосхемы военных действий кампании 1915 г., происходившие на территории Беларуси: отхода русских армий с территории Польши, Виленской операции, Свенцянского прорыва и его ликвидации. Однако военные действия на территории Беларуси в 1916 г. не получили отображения на картосхемах А.М. Зайончковского. Следует также отметить схематичность отображенных событий: картосхемы не были обеспечены математической основой, населенные пункты локализованы приблизительно относительно друг друга.

Специальные исследования отдельным операциям Первой мировой войны на территории Беларуси посвятили преподаватели Военной академии им. Фрунзе (Краснознаменной и Ордена Ленина) комбриг Е. Евсеев и Н.Е. Подорожный (соответственно: «Свенцянский прорыв» и «Нарочская операция в марте 1916 г.») [5; 12]. Данные работы были снабжены превосходным картографическим материалом, наиболее точно и подробно отражающим военные действия противостоящих сторон. Наряду с обстоятельным отображением маневров воинских подразделений и самого хода военных действий в работе Н. Евсеева отдельные картосхемы были посвящены деятельности службы связи в период Свенцянского прорыва и его ликвидации (схемы 27—29). К сожалению, в дальнейшем подобных картографических работ создано не было, и картосхемы А.М. Зайончковского, Н. Евсеева и Н.Е. Подорожного до настоящего времени остаются наиболее обстоятельными, подробными и точными.

После Великой Отечественной войны наиболее качественное картографическое представление военных событий Первой мировой войны содержалось в так называемом «Атласе офицера», впервые изданном в 1947 г. [2; 3]. Особенностью картографирования военных действий в данном издании было их деление по годовым кампаниям и показ на одной карте военных действий на Восточном и Западных фронтах, что позволяло оценить в комплексе военные события. Однако военные действия на территории Беларуси в «Атласе офицера» показаны весьма поверхностно. Отметим только, что при отображении

событий кампании 1915 г. отдельной врезкой показан Свенцянский прорыв [2, с. 166]. Данная картосхема не была основана на соответствующей картосхеме А.М. Зайочковского, отличаясь нанесением масштаба и особенностей местности (лесной покров), но в подробности показа самих военных действий она явно уступала работам военного специалиста первой половины XX в.

Не получила должного развития картография военных событий на восточном фронте в исследованиях западных историков и картографов. В качестве примера можно привести карты (точнее, схемы) Артура Бэнкса в атласе, посвященном военным событиям Первой мировой войны. На картосхеме «The mobile Eastern front. 1915» обнаруживается значительное упрощение наступательных операций германских и австро-венгерских войск на Восточном фронте, при этом действия российских армий не показаны вовсе [14, p. 135]. В атласе Мартина Гилберта «The routledge atlas of the First World War» [15] при показе событий кампании 1915 г. внимание уделено исключительно Западному фронту, ситуации на Балканах, Ближнем Востоке и севере Африки, но не на Восточном фронте, что не может не вызывать удивления, поскольку этот театр военных действий в 1915 г. был решающим. В целом для карт западных исследователей характерны схематизм, упрощение, отсутствие математической основы и точной локализации географических объектов.

Только в последние полтора десятка лет предприняли попытку отобразить события Первой мировой войны на белорусских землях историка и картографы в Республике Беларусь. Первый пример встречается в Национальном атласе Беларуси [11]. В историческом разделе атласа специальная карта была посвящена отражению событий Первой мировой войны на территории Беларуси [11, с. 276]. Несмотря на то, что карта выполнена на высоком уровне, с точной математической основой, ее содержание довольно фрагментарно демонстрирует военные действия кампаний 1915—1917 гг. Более обстоятельно военные действия в кампаниях 1915 и 1916 гг., как и в целом в Первой мировой войне на территории Беларуси, представлены в тематическом «Атласе истории Беларуси с древности до наших дней» (впервые издан в 2004 г. как дополнение к 6-томной Энциклопедии истории Беларуси) [1; второе издание: Мінск: БелЭн, 2006]. Карты для этого издания в основном подготовили Г.В. Шихунова и Л.Г. Языкович, специальная карта «Свенцянский прорыв 1915 г.» была выполнена историком А.М. Лукашевичем [1, с. 99] (также является автором настенной карты для общеобразовательных учреждений). На более высоком техническом уровне

были выполнены карты военных действий на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в приложении к Военной энциклопедии Беларуси [4]. Однако по своему содержанию эти карты повторяли ранее изданные (предлагается та же карта «Свенцянский прорыв 1915 г.» А.М. Лукашевича).

Таким образом, к настоящему времени, несмотря на наличие качественного картографического материала, созданного в ходе Первой мировой войны и в межвоенный период, военные действия на территории Беларуси недостаточно полно отражены в картах и картосхемах.

Библиографический список

1. Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён / склад. Г.Р. Шыкунова, Л.У. Языковіч. — Мінск: БелЭн, 2004. — 160 с.
2. Атлас офицера. — М.: Воен.-топогр. управление, 1984. — 396 с.
3. Атлас офицера. — М.: Изд. ВТУ ГенШтаба ВС СССР, 1947. — 286 с.
4. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / Рэдкал.: Л.У. Языковіч (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭН, 2010. — 1136 с.
5. Евсеев, Н. Свенцянский прорыв (1915 г.). — М.: Госвоениздат, 1936. — 272 с.
6. Зайончковский, А.М. Мировая война 1914—1918 гг.: в 3 т. / А.М. Зайончковский. — 3-е изд. — М.: Госвоениздат, 1938. Т. 1. Кампания 1914—1915 гг. — 382 с.
7. Зайончковский, А.М. Мировая война 1914—1918 гг.: в 3 т. / А.М. Зайончковский. — 3-е изд. — М.: Госвоениздат, 1938. — Т. 2. Кампания 1916—1917 гг.— 288 с.
8. Зайончковский, А.М. Мировая война 1914—1918 гг.: в 3 т. / А.М. Зайончковский. — М.: Госвоениздат, 1938. — Т. 3. — 64 л.
9. Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. — СПб.: Полигон, 2002. — 937 с.
10. Кавтарадзе, А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. — М.: Наука, 1988. — 280 с.
11. Нацыянальны атлас Беларусі. — Мінск: Белкартаграфія, 2002. — 292 с.
12. Подорожный, Н. Нарочская операция в марте 1916 г. / Н. Подорожный. — М.: Воениздат, 1938. — 145 с.
13. Салищев, К.А. Картоведение: учеб. / К.А. Салищев. — 3-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 400 с.
14. Banks, A. A Military Atlas of the First World War / A. Banks. — [S. L.] Pen and Sword, 2001. — 340 p.
15. Gilbert, M. The routledge atlas of the First World War / M. Gilbert. — 2nd ed. — London; N. Y.: Routledge, 2002. — 164 p.